



ЗВЕРО

КСЕНИЯ БУРЖСКАЯ

БОИ



INSPIRIA

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Фото автора на форзаце – *Татьяна Апрельская*

В оформлении обложки
и суперобложки использованы фотографии:
© High Mountain, BlueSnap / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Буржская, Ксения.

Б91 Зверобой / Ксения Буржская. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-04-161339-6

Абьюз или страсть? Сможете ли вы сделать правильный выбор?

Герои Ксении Буржской — дети своего жестокого века, отчаянных 90-х: позднее взросление, выбор между чувством и долгом, мучительный поиск себя в отражениях чужих ожиданий. Зависимость, неуверенность, утрата. И снова длинная дорога в едва различимой надежде на счастье.

Марьяна и Ян пытаются создать семью на обломках собственных иллюзий, ошибок прошлого и случайно вспыхнувшей страсти, которая гаснет так же быстро, как и вечерние фонари — утром каждого нового дня, когда за углом уже обязательно ждет кто-нибудь третий.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Буржская К., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-161339-6

Моему отцу

Гнать, дышать, смотреть и видеть, держать,
слышать, ненавидеть, и зависеть, и вертеть,
и обидеть, и терпеть.

*Список исключений из правила
о глаголах I спряжения
русского языка*

МАРЬЯНА

Потом наступило утро. Марьяна проснулась дома, и дом этот был ее. Все в нем было ее: изрешеченные солнцем шторы, разошедшиеся обои, скол на антикварном комоде. Шаги отца – так, по крайней мере, запомнилось – тихие, гулкие, звон ложки в огромной чашке. Пыльные книги – стоит провести пальцем по корешкам, и они станут серыми. Прошлогодний тополиный пух на этажерке, покрытые плесенью научные журналы, расправилки, пинцеты, булавки, распятые бабочки – все, кроме алкиноя, черного парусника; на пожелтевшем снимке, маленькая и загорелая, она сама держит его на раскрытой ладони. Жуки покорно спят под стеклом – и не они одни теперь здесь мертвы.

Мама Марьяны называла отца зверобоем, спрашивала: «Тебе что, больше делать нечего? Сколько ж можно?» – «Все люди зверобои, – отвечал он. – Если подумать». – «Ну вот и подумай, – говорила мама. – Вот и подумай».

Ксения Буржская

Марьяна встала на табуретку, дотянулась до верхней полки, стянула потрескавшиеся коробки. Облако пыли взвилось над ней и легко осело – пришлось ладонью закрыть глаза, даже голова закружилась. На некоторых коробках сохранились завивающиеся кверху наклейки с именем отца, местом и датой – когда и где были пойманы экземпляры. На иных – Марьянино имя – детским выцветшим фломастером. В них в основном простейшие: комар, майский жук, бабочка-капустница, погибшая совершенно случайно и зря, – Марьяна хотела поймать ее, чтобы поближе рассмотреть, но не рассчитала и слишком сильно придавила ногой. Плакала долго. Отец успокаивал, говорил, что всей жизни-то у этой белянки в запасе на двадцать дней, и, возможно, девятнадцать из них она уже прожила, но Марьяна была безутешна: всего двадцать дней, а она и этого ей не оставила.

...Вдох – выдох. Где-то внутри – как на американских горках: из самого горла куда-то в живот – ухнуло, тяжело провалилось желание. Скомканные простыни. Спина, плечо и родинка на лопатке, сбившееся одеяло, теплый след на бедре. Марьяна протянула руку, чтобы коснуться, но испугалась почему-то и не смогла. Ей хотелось спросить, действует ли вчерашняя акция, но прервать сон она не решалась.

Зверобой

Как интересно вальсирует жизнь – едешь прямо, все время вываливаясь в мутное прошлое, никуда вроде бы не сворачивая, и вдруг заминка, остановка, подножка, и вот ты уже не чужой, а мой, не мимо прошел, а сел рядом или, наоборот, исчез, и ничего уже не случится.

Небо всю ночь било в набат. Это удивительное московское свойство, Марьяна от него в восторге: дождь может течь всю ночь, заходиться в ливне, биться в стекла почти истерически, иступленно, а утром – дороги сухие. Несколько маленьких картографических бесформенных луж в проталинах асфальта, и всё. Будто и не было. А ночью – *ты же помнишь совершенно ясно* – дождь был, и так тревожно спалось под его топот.

Что бы вам об этом ни рассказывали, дождь в Москве – это напрочь мокрая ирга, которую можно есть, упершись в подоконник разбитыми коленками в зеленке. Так помнит Марьяна. Дождь в Москве – это бурлящие каналы, через которые перепрыгиваешь, поднимая фонтаны мокрого песка, иногда промахиваясь и падая. Дождь в Москве – это лужи с пузырями, день рождения мальчика (забыла имя), который живет в доме напротив, запах акации по глинистому размытому двору, книжки с картинками, пограничник

Ксения Буржская

на посту в горке красного дерева, балерина из фарфора с отбитой ногой в голубой пачке – не сигарет. Дождь в Москве – это радио, шипящее, как шампанское, длинные, как змеи, гладиолусы, мокрые ноги в сандалиях, яблоня – совершенно дикая, бесплодная, посаженная отцом для Марьяны. «Будете расти вместе», – сказал он, но яблоня вместе не захотела.

Отец за столом читает книги, огромные пласты знаний продавливают старое дачное кресло с проеденной кем-то обивкой, ножки – изогнутые, низенькие, полны рваных ран от мышинных зубов. Отец пишет диссертацию, ходит в лес и возится там с сачком на болотах – это наука, вечером ездит на рынок с коробкой зубной пасты – это бизнес. Мама собирает смородину и варит варенье в тазу. Марьяне разрешают съесть пенку, пенка кислая и сладкая одновременно, и Марьяна боится, что ей в рот залетит пчела. Но отец говорит, что пчелы умные – настолько, что умеют показывать друг другу дорогу, как будто внутри у них есть встроенный компас. Есть ли им дело до ее рта?

Вечером родители играют в бридж с соседями. «Марьянка, расскажи стихотворение», – просит Алламихална, соседка слева. Осенью Марьяна возьмет у нее астры в газетном кульке, чтобы идти в первый

Зверобой

класс. «Ахматову», — подсказывает мама. Марьяна ужасно ленивая лентяйка, и нет ей никаких оправданий, вот соседская Анька знает наизусть и Пушкина, и Чуковского, и — вы подумайте — даже Хармса, а Марьяна выучила только одно стихотворение и жует его, будто колеса застряли в густой колее. «Мурка не ходи там сыч на подушке вышит мурка серый не мурлыч дедушка услышит тихо не горит свеча и скребутся мыши я боюсь того сыча для чего он вышит», — монотонно декламирует Марьяна, раскачиваясь в разные стороны, как пьяница — она видела такого у гастронома, — а мухи налипают на сладкую ленту, свисающую с потолка. Стыд какой, какая скука, надо сбежать во двор.

Марьяна маленькая и не хочет учиться. Цифры ненавистные, буквы гадкие, выйдите вон из беседки, Марьяна хочет прыгать в кусты и давить крапиву, хочет, чтобы пришел соседский мальчик (забыла имя — жаль) и сыграл с ней в поезд. Они пойдут наверх по извилистой шаткой лестнице, из которой на каждом шагу сыплется вниз сухое истлевшее время, и придвинут к окну кособокую тумбочку без ноги. Мальчик без имени ляжет на кровать прямо под ветку ели, в последнем жесте протянувшую свою пожелтевшую, осунувшуюся руку, и Марьяна провозгласит: «Следующая станция — Бологое».

Ксения Буржская

Смена декораций, и мальчик без имени (ну пусть будет Юра? Пусть.) – проводник, он спросит, где же Марьянин билет, и она протянет ему лист клена, на котором еще капли не высохли.

Смена декораций, и Марьяна – машинист. Она высовывается в узкое окно и кричит кустам сирени: «Переводите стрелки, я на первом, я на юг!» Ей нравится чай в железных подстаканниках, а Юре (или Диме? Черт, теперь будет мучиться) – кладовка, в которой много всяких фотографий, порой страшных, как, например, незнакомец в гробу, вазы с отбитыми ручками, циферблаты остывших часов и куча иного хлама. Марьяна вздыхает и идет зубрить неправильные английские глаголы. Лето впереди – бесконечное, как железнодорожные пути, жизнь впереди – вообще без конца и края.

Вдруг вспомнила, как все начиналось здесь, в этом городе. Никого еще даже не было. А вот папа был. Однажды Марьяна приехала сюда не гостем – жителем. Вошла в дом с кем-то в сердце, с длинной острой иглой в голове, которая колола ее всякий раз, когда кого-то с ней не было. Всегда то есть. Вошла с чемоданом, с сумкой – красной, длинной, во весь ее рост, сказала отцу, что она ненадолго, что это временно, что ей бы только взять одну крепость. Но поход затянулся, она заблудилась, дорога ушла не туда.

Зверобой

Однажды Марьяна пришла домой с одного из свиданий зареванная и решившая никогда никого больше не любить. Она была полна кем-то другим настолько, насколько ей позволяли ее размеры — от края до края. И было очевидно, что это плохая идея: так заполнять себя кем-то, но вычеркнуть тоже нельзя — только вместе с собой. Отец понимающе кивнул, сделал ей чай и пошел смотреть документалку про медоносных пчел. (Марьяна запомнила: говорили, что самые страстные любовные отношения — между пчелами и цветами, и она еще подумала: «Господи, что за бред!») А потом лежала на полу и плакала. На этом вот полу. Паркет елкой-палкой.

И вот сегодня ты здесь. Ты здесь?

Проснувшись, Марьяна очень тихо выбралась из-под одеяла, ноги узнали прохладный добротный пол — говорят, в 20-х годах прошлого века в этом доме жила одна властная женщина: не то начальница, не то жена наркома. Она распорядилась, чтобы в доме сменили полы — с казенных на дорогой паркет. Хватило на сотню лет: *спасибо, мадам*. Пол заскрипел, провожая Марьяну на кухню, но в спальне по-прежнему было тихо.